

Олег Хлебодаров

Истории о любви

18+

Коллекция современной прозы

Олег Хлебодаров
Истории о любви

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Хлебодаров О.

Истории о любви / О. Хлебодаров — «ИП Березина Г.Н.»,
2021 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907395-19-0

Случайная встреча двух бывших одноклассников в аэропорту самого романтического города мира – Парижа – связывает воедино события в прошлом и настоящем. Перед читателем предстаёт калейдоскоп историй, проходящих в суровой Бретани, солнечной Сицилии, сказочном Брюгге, уютном Вильнюсе, никогда не спящей Москве, Золотом кольце, а также неизвестных городах и весях европейской части России. Все они связаны общей темой, имя которой – Любовь. Именно она объединяет художника-авангардиста и сутенёра, топ-менеджера автосалона и аристократа, чиновника и рядовых граждан. Истории, описанные в книге, – весёлые и грустные, с хэппи-эндом и без всяких признаков такового, загадочные и не очень, поучительные и просто занимательные. А в конце читателя ждёт весьма неожиданный финал. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-19-0

© Хлебодаров О., 2021
© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Начало	6
Любовь: прерванный полёт	9
Магали	12
Пижон	15
Знакомства по Интернету	20
Париж ничего не гарантирует	23
Экс-содержанка	25
Отступление	28
Креативное знакомство и его последствия	30
Не хотелось больше играть	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Хлебодаров

Истории о любви

© О. Хлебодаров, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

* * *

Автор выражает огромную признательность своим первым читателям – А.С., А.У., А.Ф., Б.П., В.С., Д.Я., Л.С., М.Ф., Н.М., Н.С., О.Н., О.Р., Т.В. и Э.Р., – которые поддерживали морально и давали бесценные советы.

Автор предупреждает, что описанные им события все без исключения являются вымышленными, а любое совпадение имён, фамилий, географических названий (кроме общеизвестных) абсолютно случайно. Всякое сходство с реальной действительностью – всего лишь совпадение и не более.

Кроме того, автор приносит извинения нескольким упомянутым в книге вильносоцам и надеется, что они не держат на него зла за то, что он упомянул их на страницах этой книги.

Автор стремится сохранить инкогнито как можно дольше

Посвящается Оленьке Написано в июле 2011 г.

*Однажды был в Сицилии,
Где море в изобилии,
Но люди слабо милые
(что верится с трудом).
Я ездил по Германии
Дорогами прямыми,
В Испании бывал,
А также и в Египте я тоже загорал.
Бывал я и в Ужгории,
Во Франции везде...
Но кильки в соусе томатном
Я не встречал нигде.
Не то чтобы в моём любимом,
Родном Улан-Удэ...*

Начало

Рейс на Москву был задержан на два часа. Что поделать, над погодой не властны ни техника, ни местонахождение. В капиталистической, социалистической или ещё бог знает, какой *третьепутистской* (или *третьепутёвой*!?) стране возможен такой вариант. Разумеется, где-то вы будете коротать это время с комфортом, где-то матерясь, но факт остаётся фактом – вылет отложен, и настроения это отнюдь не поднимает. Увидев на табло это «жизнеутверждающее» объявление, я пошёл коротать время в кафе.

Сейчас я писатель. Говорят и пишут, что довольно модный. Вроде, тьфу-тьфу-тьфу, так оно и есть. Следовательно, от моей задержки в Москве, слава богу, никому не станет особо хуже, ибо никаких сверхважных и не терпящих какого-либо, даже минутного, отлагательства дел у меня там нет. Уже неплохо...

Не успел я подойти к барной стойке, как меня окликнули. Точнее, окликнул. По имени. А вот окликнувшего я, признаться, совершенно не узнал. То есть я, конечно, мог его встречать раньше, благо на моём, хоть и не сверхдлинном, но всё же и небезынтересном (об этом, если что, как-нибудь потом) жизненном пути успели повстречаться самые разные люди. Кого-то я бы встретил с радостью, кого-то до сих пор стараюсь забыть, хотя, в общем-то, безуспешно. Этот же господин, а иначе его у меня просто язык не поворачивался назвать, мне не напомнил ровным счётом никого. То есть вообще никого.

Начнём с того, что весь его вид источал респектабельность. Причём настоящую, а не показную. Распахнутое верблюжье пальто, дорогой пуловер, рубашка от топового бренда, брюки, судя по всему, от него же, ботинки из крокодиловой кожи. На запястье левой руки часы – настоящие швейцарские, за бог знает сколько у.е. На носу очки в несколько старомодной, но очень дорогой оправе, в зубах трубка, видимо, стоящая побольше моей машины. Сам он был не то чтобы дороден, скорее чуть-чуть полноват, причём даже этим он лишь подчёркивал свою респектабельность. И очень умные глаза за стёклами очков, которые смотрели на меня. Сзади, что неудивительно, – бодигард. Всего один, но тоже с налётом респектабельности.

– Что, не признал меня? – улыбнувшись всеми своими белоснежными зубами, спросил он и назвал меня моим школьным прозвищем.

Вот тут я, признаться, офигел окончательно. На ум мне пришёл только один человек, примерно подходящий под антропометрические данные моего собеседника. Но весь мой разум отказывался в это верить. Пухлый (а кто же ещё это мог быть!) ну просто не мог стать таким. Не мог, и всё тут! Ибо кто ещё мог по выдающейся, я бы даже сказал, вызывающей своей рассеянности засунуть бутерброд с маслом в один пакет с кедами?! Или случайно прийти в школу вместо брюк от формы в кальсонах... Его даже не особо били, потому что бить такое чучело даже неинтересно. А уж школьники, в том числе (а может, и прежде всего) советские, понимали толк в *чморении* такого рода лузеров! И вот он собственной персоной стоит передо мной в аэропорту Шарля де Голля города-героя Парижа и выглядит бог знает на сколько миллионов!

Я давно уже утратил связь со своим классом, тем более что поучиться я успел не только с ними. Другое дело, что с ними я учился дольше всего. Желания поддерживать связь с ними, как это стало модно в последние годы, у меня почему-то не было никакого. Болезнью «Одноклассники» и прочими «Фейсбуками» я так и не заболел, о чём ничуть не жалею. Правда, пару лет назад мне звонила Ленка, сидевшая какое-то время со мной за одной партой, и приглашала на встречу класса. Ещё она, кажется, пыталась что-то мне рассказать про свою нынешнюю жизнь, но, кроме того, что она работает в основном тамадой, я так ничего и не запомнил. Да и то лишь потому, что представить её себе в этом качестве, исходя из школьных воспоминаний, не мог никак. Я тогда отговорился как-то, и то мероприятие проигнорировал. Кажется, мне действительно надо было дописать роман для «ЭКМО», да и тогдашняя моя пассия Наташка

хотела вытащить меня в Амстердам. Там мы, кстати, тогда разругались и по возвращении расстались...

– Давай по кофейку, что ли... – сказал мне Пухлый после рукопожатия.

– Это можно.

– Вижу, что всё для тебя неожиданно? – с улыбкой спросил он меня.

– Есть такое...

– Исходя из школьных лет, ты бы скорее представил здесь, на моём месте, Санька Серебрякова?

Не то чтоб это было в точку, хотя... Санёк ещё в детстве был весьма ушлым малым. Его старший брат, учившийся в нашей школе на три года старше, активно фарцевал, а Санёк помогал ему в этом. Сколько жвачек было куплено всеми нами у него, да и не только жвачек...

– А ведь их обоих мне жаль, этих Серебряковых, – глядя куда-то вдаль, сказал Пухлый, когда мы уже взяли по чашке кофе и сели за столик. – Они ведь в восемьдесят восьмом одни из первых в городе кооператив открыли. «Мечта» он назывался. Старшего, Витькá, ещё в девяносто первом застрелили. То ли он кинуть кого хотел, то ли просто не успел долг отдать – тогда непонятно было, а сейчас, сам понимаешь, тем более. Убивший его ни рыба ни мясо был – не бандит влиятельный и коммерсант не особо какой. В гору он потом пошёл. Даже в Думе сидел как-то... Был даже в комиссии по этике!

В это я очень даже поверил – кто ж ещё в нашем парламенте может разбираться в этике, как не товарищи, чьи руки, пусть и не по локоть, но в крови. Тем более чужой.

– А Санёк в девяносто пятом суррогатной водкой отравился. Дела у него уже швах были. Но всё равно жаль!

– Да уж, се ля ви, как говорят тут.

– Я, кстати, слежу за твоим творчеством. Нет, ты не думай, я серьёзно! – Пухлый действительно серьёзно посмотрел мне в глаза.

– И как? – не то чтобы чужая оценка для меня была определяющей, в конце концов, гонорары от издательств куда как поважнее будут, но всё-таки это мне было небезынтересно.

– Самое то. У тебя нет «местечковости» и комплекса неполноценности, свойственной большинству наших литераторов. Слава богу, опять же, что тебя не называют, как это часто у нас бывает, русским кем-то. Ну, типа там «русский Бегбедер», «русская «Гавальда» или, прости господи, «русский Джойс». У меня после таких сравнений сразу же появляется какая-то брезгливость. Ну и опять же хорошо, что ты не страдаешь манией величия. Читал твои интервью, и ты ни разу не пытался указать другим своё место в литературе где-то между Достоевским и Коэльо.

– Я такой фигнёй не страдаю, – ответил я, мысленно аплодируя Пухлому, ибо мои взгляды на современную нашу литературу всецело совпадали с его.

– Ещё хорошо, что ты не замыкаешься только в нашей аудитории. Ты, как мне показалось, пишешь для нормальных, современных людей. Тебя может читать француз, японец, сингапурец и наш брат, россиянин. При условии, конечно, что он не быдло, воспринимающее, кроме этикетки на бутылке, только шедевры типа «Вор на Колыме» или «Выстрел Укушенного-4». А ведь в российских реалиях это самое сложное, поверь мне, – продолжил он, мелкими глотками поглощая кофе. – У нас ведь в чистом виде пограничное в плане культуры пространство. А оно иногда даёт такие типажи! Скажи мне, где ещё можно найти уроженца Питера с хорошей примесью немецкой крови, который, заметь, по велению души носит косоворотку, пьёт квас и взахлёб ругает загнивающий Запад?! Искренне делает это, не за бабки! А встретить ты священника в глубинке, под Костромой или на Урале, и ведь запросто может оказаться, что он сто-процентный еврей по крови, выпускник Бауманки. А мулла-ваххабит, где-нибудь в Татарстане или вообще на югах, в молодости был Иванов, учился на филфаке и пописывал стихи в стиле Есенина. А тут хоть в Париже, хоть в Берлине, хоть в Лондоне встретишь иной раз ну прямо

аристократа со знанием языков, с дипломами престижных вузов, а выяснится, что по крови он в основном узбек, но ещё в детстве проникся русской, европейской, заметь, по своей сути, культуре, и стал вот кем. А что, брюнет – так и принимают его здесь сперва за итальянца или, на худой конец, за грека.

– Резонно. Я, конечно, столь ярко выраженных типажей не встречал, но подобные товарищи и мне попадались...

– А знаешь-ка что, – Пухлый повертел в руке чашку, словно пытаясь там что-то увидеть... (Или, может быть, он гадал на кофейной гуще?!) – Вас ведь, писателей, инженерами человеческих душ кличут?

– Ну вроде того... Хотя это раньше было.

– Давай-ка, раз время есть, расскажу я тебе несколько историй. Думаю, ты сможешь сделать из них конфетку!

– Они настоящие или как? – Не то чтобы мне стало по-настоящему интересно, хотя после такой встречи с человеком, которого ты помнил как выдающегося лузера, уже мало чему можно было удивиться.

– А ты сам решишь... В общем, слушай.

Любовь: прерванный полёт

Её никогда особенно не привлекал Париж. Не то чтобы он ей совсем не нравился – нет, такого, разумеется, не было. Просто она не понимала стонов и вздохов, издаваемых знакомыми и просто случайными людьми по поводу него. Хуже было, по её мнению, пожалуй, только восхищение юных *сиккушек* от поездок в Турцию. Впрочем, может быть, такая позиция нормальна для самостоятельной женщины из России, которая, что самое главное, сделала себя сама.

Утро близилось к полудню, парижское солнце вкупе с пейзажем радовало глаз. София (скорее даже непроизвольно) поглядела налево. Там, в метрах двадцати от неё, шла игра, уже минимум как лет десять позабытая в России. Банальный «напёрсток», ушедший в прошлое вместе с китайским «Адидасом», малиновыми пиджаками и прочими прелестями постсоветского бытия. В Париже, городе, имеющем ничуть не меньшее право, чем Рим, именоваться вечным, этот вид промысла не только продолжал существовать, но даже вызывал неподдельный интерес у публики. Несколько пожилых американских пар, стайка туристов то ли из Японии, то ли из Кореи – София плохо различала их – не только с интересом наблюдали за игрой, но даже делали ставки. Один из явно подставных – а уж ей, выросшей в далёком и далеко не самом тихом Челябинске, это было очевидно, – показался ей знакомым.

«Не может быть», – подумала она.

Подставной лет сорока, в красном джемпере и выдавших виды джинсах, в душе стебался над разыгрываемыми. Ещё бы, бог знает когда великий О. Генри описал всю эту примитивную по своей сути технологию отъёма денег, а вы, господа америкосы-пиндосы, даже не читали его! Ну, ставьте же свои кровные, заработанные пенсионные доллары и евро, ставьте!!! Тут как раз подошла его очередь. Он подошёл к фанерке, протянул своему напарнику – молодому благообразному негру в светлом пиджаке – пятьдесят евро и приподнял стаканчик. Шарика там, естественно, не было, и он картинно поднял обе руки вверх, как бы взывая к небу. Японец или кореец, кто ж их разберёт, протиснулся к «станку» и на ломаном английском начал что-то говорить негру. В общем, ещё один клиент созрел...

Артур, а именно так звали подставного в красном джемпере и джинсах, обернулся направо. Не то чтобы он почувствовал опасность, хотя... В общем, его взгляд встретился со взглядом Софии.

«Ни фиги ж себе», – его, несмотря на жизненный опыт, буквально бросило в жар.

– Играй без меня, Анри, – шепнул он стоящему рядом напарнику, выходцу откуда-то с островов в Тихом океане.

– Учти, Саид вычтет у тебя, – невозмутимо ответил тот. Он вообще был невозмутим, особенно в общении с Артуром – то ли потому, что не раз слышал о загадочной русской душе, то ли просто потому, что был вообще невозмутим, почти как истинный ариец.

Артур вышел из толкучки, образовавшейся вокруг «станка», и быстро пошёл вслед за уходящей Софией. Он обежал её и, стараясь быть максимально спокойным, просто сказал «привет».

– Вот уж кого я не ожидала здесь увидеть...

– Взаимно. Слушай, а давай выпьем кофейку, знаю здесь одно место...

Эти слова дались Артуру очень нелегко. Наверное, уже давно ему не было так трудно говорить. Раньше, лет пять назад, голос задрожал бы, а теперь нет – жизненный опыт всё-таки сказывается.

Через несколько минут они уже входили в маленькое, чисто парижское кафе. Стоявший у стойки хозяин, араб лет пятидесяти, радушно приветствовал Артура, сделав комплимент его вкусу.

– Какими судьбами тут? – вымученно спросил Артур, когда он и София уже сели за столик у окна.

– Всё на редкость банально, Артур, – она смахнула прядь волос с лица, – решила позволить себе немного приятного. Я ведь здесь всего в третий раз... Даже в своей тёжке Софии (тут она немного улыбнулась) я бывала куда как больше.

– Хорошо выглядишь.

– Артур, а разве ты видел меня когда-нибудь плохо выглядевшей?! Да ты вообще меня мало видел...

– Что верно, то верно...

Артур отвернулся к окну, словно стремясь увидеть на улице что-то важное.

– Прости меня. Очень прошу: прости, пожалуйста!

– Да мне-то, в общем, что, – спокойно ответила она, отпив чуть-чуть обжигающего кофе из чашечки, только что поставленной перед ней сыном хозяина заведения.

– Ну, как сказать... – Артур отвернулся от окна и взглянул ей прямо в глаза. – Я ведь знаю, что ты уговорила тогда Алёну прилететь ко мне. Мне до сих пор снится та наша первая поездка по городу. Это напоминало сказку: было уже около полуночи, мы катались по городу, я показывал ей достопримечательности. Ночной город, и мы вдвоём...

Артур отхлебнул кофе и продолжил:

– А потом наша вторая встреча. И поцелуйный заход из кухни в комнату. Мы шли и взасос целовались... Время за полночь, у меня была температура, но я находился на вершине блаженства. И восхитительная ночь потом. Мне реально казалось, что я знал её всю жизнь...

– А здесь-то ты как оказался? – скорее буднично, нежели с интересом, спросила она.

– Как-как... Сначала места себе не находил после расставания с Алёной. Потом с девчонкой одной молодой начал жить. Пару месяцев пожили. Понимал, что не то... Не Алёна, ну вообще... – тут Артур зачем-то поднял взгляд к потолку, словно ища необходимые слова. – А потом друг мой, Володька, позвал в колонию на свидание к авторитету одному съездить. Я того Валеру и не знал толком, так только, по юности помнил чуть-чуть. И криминал мне чужд был тогда. Но поехал. И барышня та с нами поехала. Так она на свиданке тому Валере на шею чуть не бросилась. При мне, заметь...

Артур жадно отхлебнул кофе и продолжил, глядя куда-то мимо Софии:

– Мы потом часа три обратно ехали, я курил всю дорогу. Пачку выкурил, наверное. А по приезде, уже без Володьки, сказал ей всё, что думал по этому поводу. Она тут же собрала вещи, и мы больше не виделись. Уж не знаю, с Валерой тем она или нет. Да и по фигу, если честно... А потом я с евреем одним подружился, через него в синагогу ходить начал. Вообще курам на смех – ну какой я еврей?! Во мне крови-то еврейской – тьфу! У тебя её вроде больше?

– Не без этого, – довольно отстранённо сказала София, сделав маленький глоток кофе.

– А там через синагогу и в Израиль свалил. Родня в шоке вообще была... Я, кстати, очень не люблю выражение «я в шоке». Девчонки из фиговых вузов, помнится, раньше все так говорили...

– Это точно!

– Но они именно в шоке и были... Ну так, покрутился я в Израиле, в кибуце пожил. Апельсины мы там выращивали... А потом вот сюда рванул, благо «шенген». Сначала квартиры с турками ремонтировал, теперь вот тут... А ведь там, дома, и работа была неплохая, и перспективы. Работодатели у нас, конечно, ушлые были. Ни Москва, ни Питер, ни Ханты-Мансийск денег особо не платили, но перспективы были. Но не смог я там больше жить, всё о ней напоминало. А тут и поговорить толком не с кем – что Анри, что Жозеф, что остальные – они ж, несмотря на эту долбаную политкорректность, даже колледж окончить не смогли! Вот и сижу тут, перед тобой душу изливаю. Про поездку в Суздаль с Алёной вспоминаю, про тот

кусок торта мамино, что она мне в последний день дала тогда... Водки для полноты антуража только не хватает, типа, русские эмигранты в Париже...

– Бывает, – София пожала плечами.

– До сих пор, наверное, в «Одноклассниках» в профайле у меня мой город родной указан, в «Фейсбук» тоже несколько лет уж не был. Бред. Расскажи мне лет пять назад о том, где и как я буду, не поверил бы... А Алёна как сейчас?

– Хорошо всё у неё.

– Ты позитивная такая...

– Нет, это, Артур, тебе только кажется...

– Может, ещё по кофе? – Артур даже сам удивился, как жалостливо это у него прозвучало.

– Нет. Спасибо за кофе, кстати.

София поднялась из-за стола, взяла сумочку и пошла к выходу.

Магали

Как это фото появилось в колонии, никто так и не понял. Кажется, действительно первыми его увидели сидельцы из седьмого отряда, где был и Артём. Впрочем, фото это потом обошло если уж не весь лагерь, то большую его часть – потом об этом говорил сидевший в третьем отряде Андрей, с которым Артём учился когда-то в начальной школе. Да и ещё один бывший зэк потом, в областном тубдиспансере на Родионова, тоже вспоминал об этой фотографии и говорил, что видели её и в четвёртом, и в восьмом отрядах.

Самое простое объяснение появления снимка было связано с бывшим сутенёром Димой Бельмондо, как раз и сидевшим в седьмом отряде. Дима, правда, от этого напрочь отрекся и, кажется, был искренен – смысла на середине своего срока (отнюдь не за торговлю девочками, а за разбой, но это уже неважно!) засветить фото своей бывшей подчинённой, да ещё и не получить с этого ровным счётом никакой выгоды, у него не было. Была ещё версия, появившаяся в аккурат перед новым, 1999 годом, что на фото запечатлена проститутка из элитного московского борделя (отсюда и непонятная надпись «МАГАЛИ» с обратной стороны фотографии), а предназначалось её изображение для одного грузинского вора в законе. Всем только непонятно было, почему фото оказалось у них в зоне, тогда как грузинский законник сидел по соседству, и к тому же в конце девяносто седьмого года был этапирован куда-то на Урал. Иначе говоря, где эта фотография провела около года, было совсем не ясно.

Сидевший в четвёртом отряде рецидивист Колька Интеллигент, любивший качественную иностранную литературу (он даже порывался написать детектив в стиле А. Перес-Реверте) и тяжёлые наркотики, даже выдвинул фантастическую версию, согласно которой фото было вброшено зоновскими операми и должно было каким-то очень замысловатым образом расколоть отрицательно настроенных осуждённых и усилить позиции «актива» в зоне. Всерьёз в эту версию, навеянную не только чтением если уж не Перес-Реверте, то как минимум У. Коллинза, а скорее даже употреблением героина внутривенно, поверил, кажется, только рецидивист Смурый, отбывавший в свои почти восемьдесят лет бог знает какой срок. Его, разумеется, уважали, но всерьёз к человеку, путавшему по причине стойкого маразма колымские лагеря с мордовскими, а Бутырку с Крестами, никто не прислушивался.

Впрочем, несмотря на неясность происхождения фотографии, равно как и обстоятельств её появления в колонии, нельзя было отрицать того, что она произвела фурор. Красивая девушка лет восемнадцати-двадцати, одетая в стильный, хотя и на первый взгляд неброский джемперок, навсегда покорила сердца сидельцев. В конце девяносто восьмого – начале девяносто девятого года фото стало своего рода переходящим знаменем. Право взглянуть на него было чуть ли не главной ценностью для основной части осуждённых. Наиболее авторитетные зэки поделили между собой возможность повесить фотографию на несколько дней у себя рядом со шконкой. О встрече с девушкой на фото грезили, кажется, все – причём смотрящий за колонией Петя Горбатый вряд ли отличался в этом от зоновского завхоза, бывшего десантника Вовы Рэмбо. Никто, правда, так и не мог понять надпись «МАГАЛИ» на обратной стороне фотографии. Идеи о том, что это первые буквы фамилии – например, Магалина или Магалинская, или даже Магалий, – отвергались всеми, поскольку следов стирания не было, а прочие буквы, несмотря на то, что фото действительно гуляло по рукам, уцелели и были вполне читаемы. Мысль о том, что на снимке француженка, также не встретила поддержки у сидельцев.

Артём видел то фото всего три раза. Последний раз это случилось двадцать второго января, ровно за месяц до его освобождения. Его товарищ Саня Тюлихов, с которым они в последний год постоянно чифирили вечерами, выменял на полчаса это фото за пачку сигарет у своего земляка-павловчанина.

– Тём, тебе ведь на волю через месяц, – произнёс Саня, отпив чифира.

– Да, Сань, ровно через месяц дома буду, – Артём Фоминых мечтательно посмотрел куда-то в сторону потолка в другом конце барака.

– Тём, а ты Магали эту найди, – вдруг попросил Саня, – ты ж сам говорил как-то, что она студентка, наверное. А ты ведь в вузе восстановиться хочешь. Так найди её там!

– Ты сказал... – Артём был так ошарашен, что даже не заметил, как обжётся чифиром. – Ты пойми, Саня, пока восстановят меня (а могут и не восстановить после судимости), пока подлечусь, пока с работой решу – это ж времени сколько пройдёт. Да и вузов в Нижнем сейчас полно. Я ж не знаю, где она учится или училась... Да и восстанавливаться буду только на заочное...

Кажется, они поговорили о перспективах поиска ещё минут пять или чуть больше того. А потом отрядный блат-комитет, состоявший после этапирования Саши Гуляева в Мордовию сплошь из дзержинцев, позвал к себе Саню. Вроде как с просьбами, которые он должен будет выполнить после того, как будет этапирован в тубзону в Кайск (этапировать его должны были со дня на день). Впрочем, просьбу ту Санину Артём не забыл...

А за день до освобождения, двадцать первого февраля, про фотографию Артёму напомнил новый зонавский опер. Сказав дежурные фразы о нежелательности попадания Артёма вновь за колючую проволоку («знаю, что ты не за своё сел, но ведь сюда и те, кто не за своё сел, заново попадают») и даже похваставшись, что у него буквально час назад родилась племянница («Ксенией назвали. Как знать, вдруг вас потом жизнь и столкнёт... Авось, хоть по-хорошему. Ты, конечно, парень неплохой, но зачем ей бывший зэк с тубиком, пусть и залеченным»), он под конец задал вопрос, удививший Артёма:

– Фоминых, а с фоткой там что? Не знаешь, откуда она в лагере и по чью душу?

Артём понял, что, во-первых, фотография всё-таки попала не через гуиновцев и, во-вторых, что какое-то значение ей оперчасть в лице нового опера почему-то придаёт. Говорить Артём, правда, ничего не стал, сославшись на то, что ничего не знает и вообще не блатной.

Просьбу Санину Артём попытался исполнить и даже рассказывал ему о своих попытках весной 2002-го в тубдиспансере на Родионова, куда Саню положили после освобождения. Впрочем, вскоре Саня ушёл в запой и был с позором изгнан из больницы. Вряд ли после этого судьба Магали волновала его, тем более что вскоре он то ли вновь сел, то ли вообще умер.

Развязка наступила 11 июля 2003-го. Артём только что угостил мороженым белокурую девочку, стоявшую с мамой за ним на кассе в магазине («У меня день лождения!» – громко сказала та девочка, и Артём даже почему-то пожелал её маме в будущем найти хорошего зятя), взял пакет с купленными продуктами и увидел Магали. Она была такой же, как на том фото, и даже несколько лет ничуть не изменили её. Правда, вместо джемперка на ней было платье – очень модное и явно от хорошего бренда, а на ногах нежно-розовые мюли, но это ничего не меняло.

– Вы ведь Магали, – Артём широко улыбнулся, сам не веря своей удаче.

– Можно и так сказать, – приятным контральто ответила она.

– Не поверите, – Артём сам поразился твёрдости своего голоса, – но ваше фото я видел несколько лет назад, и вы покорили меня уже тогда.

– Отчего же, очень даже поверю...

P.S.1. Говорят, что племянница зонавского опера и белокурая девочка, у которой был день рождения, потом подружились. Хотя, может быть, это и неправда: во-первых, опер мог ведь и наврать, чтобы втереться в доверие к интеллигентному и доброму, в сущности, заключённому и, во-вторых, мало ли в Нижнем Новгороде белокурых любительниц мороженого, пусть даже и родившихся 11 июля 1998 года.

P.S.2. Колька Интеллигент так и не дописал свой детектив и умер в апреле 2004 года от передозировки героином.

P.S.3. Судьба Артёма Фоминых автора не особо интересовала. Уже хотя бы просто потому, что автор понял: этот его герой должен со всеми своими трудностями справляться сам. А вот Магали... Впрочем, всё по порядку.

Пижон

Этот рассказ, хотя и ведётся от первого лица, по сути не мой, ибо главного его героя я видел при жизни всего один раз. Впрочем, не доверять человеку, мне обо всём поведавшему, у меня нет никаких оснований. Ныне этот человек на том свете, а потому я лишён перед ним каких-либо обязательств не сообщать никому о тех людях и событиях.

Он был довольно странным человеком, если не сказать больше. Немного нелепый и даже внутренне похожий на героев Пьера Ришара, смотрящий на мир словно сквозь розовые очки. Даже дефицитная, импортная и потому весьма дорогая одежда сидела порой на нём как-то нелепо. В тёплое время года этот образ гармонично дополняла панама, которую он обожал носить к месту и не к месту. В кругах, к коим он был причастен – а точнее, может быть, вынужденно причастен, – его знали не иначе как Пижона. Он, в сущности, и был таковым. Иногда даже, наверное, в ильфо-петровском значении этого слова – помните: «Пижоны!.. Что же вы не бьёте вашего гроссмейстера?» Впрочем, вся эта нелепость и даже пижонство отнюдь не мешали ему быть буквально гениальным преферансистом.

Где и при каких обстоятельствах он научился так воистину по-гроссмейстерски играть в преферанс (в секу и деберц он не играл принципиально, в других играх был мастером, но тоже старался не играть), мне неизвестно. Я слышал несколько историй об этом от хорошо знающих Пижона и – шире, вообще весьма осведомлённых о многом людей, но те рассказы настолько отличались друг от друга, что такое вообще редко бывает. В связи с этим ни одну из этих историй я тут приводить не буду, поскольку или придётся рассказывать всё (а это отвлечёт от магистральной линии), или же даст не совсем обоснованное преимущество какой-либо из версий, что недопустимо. Важно отметить лишь, что играл Пижон честно, если слово «честно» вообще применимо к людям его профессии.

Формально Пижон работал тренером по шахматам во Дворце пионеров одного южного райцентра, где, собственно, и жил. Впрочем, вряд ли можно говорить, что совсем уж формально – он действительно ходил на работу и обучал детишек премудростям этой старинной и весьма умной игры. Пижон, разумеется, мог нанять вместо себя кого-то из дедушек, игравших в свободное время в шахматы в парке имени 1 Мая, но не делал этого. Мало того, он даже всерьёз гордился достижениями на своей работе. Несколько раз при встречах хвастался мне: «Ты знаешь, старик (так он обращался не только ко мне, хотя мне было тогда тридцать с небольшим, но и почти ко всем своим собеседникам), а ведь N., который у меня тренируется, получил первый разряд!»

Я даже больше чем уверен, что он ходил в кассу и получал зарплату, которая, прямо скажем, была копеечной, и которую он мог прогулять очень быстро и даже не заметить. Верю я в это потому, что Пижон иногда вдруг становился редкостным скупердяем. Помню, как тёплым сентябрьским утром встретил его близ Дворца пионеров, и он поведал мне, что шёл на работу пешком, потому что «не захотел кормить троллейбусников». «Старик, ты знаешь», – сказал Пижон, – зачем мне дарить им деньги?!» И это произнёс человек, который за пару месяцев до этого ехал из Черкесска до дома на такси и отвалил таксисту сумму, на которую многие семьи вполне могли прожить год, а то и более. Хотя, как знать, несмотря на розовые очки, он мог просто испугаться, ибо обыгранный им товарищ хотя и помнил про святость карточного долга, но вполне мог отомстить, так что ехать домой лучше было, не дожидаясь поезда.

Деньги любили Пижона даже больше, чем он любил их. Они буквально липли к нему. Как-то раз в ресторане, где я обмывал очередную сделку, а он просто ужинал, я спросил, не проще ли ему меньше тратить (а попросту не спускать деньги на ветер). «Ты знаешь, старик», – ответил он, глядя куда-то вдаль, а точнее в стену зала, – ты не первый говоришь мне об этом. Я даже сам как-то задавал себе этот же вопрос. И знаешь, что я сам себе ответил?» Я, есте-

ственно, не знал, о чём, не мудрствуя лукаво, и сообщил ему. «Так вот, – он взял гроссмейстерскую паузу, как брал, бывало, в игре, и продолжил, – пусть будет так, как есть. Вот недавно я сидел здесь, за этим же столиком. Сидел, понятное дело, не один, а с Ксюшей. Ну, ты знаешь, – она с четвёртого курса нашего медучилища». Я понятия не имел про неё, но на всякий случай покивал головой. «Так вот, старик, она приехала к нам из своего то ли посёлка Усть-Захрюкинска, то ли из колхоза «Хрен-знает-сколько-лет-без-урожая». По этому поводу она ведёт себя как та ещё цаца. Я прощаю ей это, потому как страдаю излишней добротой, особенно к дамскому полу. Засиделись мы, понятное дело, допоздна. Потом я как истинный джентльмен, коим я, собственно, и являюсь, проводил её в общежитие, ибо ко мне она по причине своей *цаццистости* ни ногой. Даже вахтёрше дал червонец, чтоб не буянила. А потом двинул к себе домой. Таксёров уже нет, городок наш как вымер. А утром к 10.00 мне надобно быть на службе. Я уже выходил из квартиры и молил Бога, чтоб успеть на троллейбус, как мне позвонил Ашотик. Он сказал, что мне кровь из носу надо завтра быть в Сухуми, ибо там будет хорошая игра. Так и случилось: там были цеховики, как местные, так и из солнечного Баку, пара грузинских князей и завмаг откуда-то из Сибири. Я выиграл не особо много – 35 тысяч, из них 10 отдал Вове Биндюжнику. Он ведь был милый малый...» Я-то лично считал, что покойный к тому времени Вова Биндюжник (его застрелили конкуренты) милым малым ни разу не был, а как минимум соответствовал своему творческому псевдониму, но возражать не стал – «милых малых» у Пижона было много. Что поделывать, если даже успешность в игре никак не мешала наличию этих самых розовых очков.

«Тут я отдал Ашотику по приезде его пять кусков, – продолжал, не торопясь, Пижон. – В общем, мне тоже кое-что осталось. Мораль сей басни какова?»

В ответ мне нечего было сказать, ибо суть я не особо понял, услышав, в сущности, стандартный Пижоновский рассказ о его истинной профессиональной деятельности.

«А мораль тут, друг мой, такова: не засидись я с этой цацей Ксенией, я бы встал на следующее утро пораньше и пошёл бы на работу часиков эдак в девять. А стал бы Ашотик искать меня во Дворце пионеров (в этот раз последнее слово он произнёс по старорежимному через «э»)?! Вот именно, не стал бы... И где бы я взял 20 тысяч, скажи мне?! А они мне тогда ох какгодились. А то Елена начала требовать денег, да и Наденьке захотелось новых серёжек...»

Ушлый прохиндей Ашотик и Дворец пионеров плохо совмещались в моей голове, в связи с чем я согласился с доводами Пижона.

Тут надо сделать отступление. Пижон куда как больше денег и, может быть, даже больше комфорта в виде ресторанов, дорогих напитков, икры – разумеется, не заморской баклажанной, – любил женский пол. Официально он был давно в разводе, да и брак тот существовал ещё до его приобщения к большим картам. По словам самого Пижона, брак тот, заключённый, кстати, с дочерью одного из отцов города, распался по причине отсутствия детей. И вот, обретя весьма немалые деньги, Пижон навёрстывал упущенное. Вроде как детей у него было пятеро, хотя, возможно, я что-то упустил, и их на самом деле было больше.

Елена была высокой и фактурной дамой. Работала старшей медсестрой в одном из отделений районной больницы. Она любила плавать, причём даже зимой. Именно близ проруби её и встретил Пижон ещё в начале своей карьеры. Встретил и не устоял. Наденька, напротив, была невысокой – кажется, один метр пятьдесят пять сантиметров. Она работала тренером по гимнастике. Где пересеклись её пути с Пижоном, доподлинно неизвестно. Пижон лишь упоминал, что увидел её с пучком на голове и сразу на неё запал. Ему вообще почему-то нравились женщины именно с этой причёской. Такая же была у Светланы – гренадёрши побольше Елены, тренировавшей детишек в местном бассейне, и Юленьки – миловидной миниатюрной продавщицы книжного магазина. Впрочем, у пятой из дам сердца Пижона – Ольги, трудившейся бухгалтером в какой-то конторе (как именно она называлась, Пижон всё время забывал), пучок на голове бывал редко.

Все они – Елена, Наденька, Светлана, Юленька и Ольга – были матерями Пижоновских детей. Никаких алиментов он им, разумеется, официально не платил, компенсируя это небрежной передачей им сумм, вполне сопоставимых с их годовой зарплатой, а то и превышающих таковую. Плюс к этому Пижон периодически дарил им подарки, иногда весьма дефицитные или просто совсем не дешёвые. Алиментов они с него и сами, впрочем, не требовали. То ли по причине того, что мир повернулся к Пижону лицом в благодарность за его добрый нрав и упоминавшиеся уже «розовые очки», то ли по причине того, что начини кто-либо из них это делать, Пижон встал бы в позу и предложил посудиться по советским законам в суде, получив с него в результате целых двадцать пять процентов от его официального заработка.

Тем удивительнее была наша встреча в июне восемьдесят девятого. Я зашёл перекусить в недавно открывшееся кооперативное кафе «Чайка». Народа там почти не было, только в другом конце зала сидела парочка начинающих свой путь в бизнесе кооператоров, нарочито громко что-то обсуждавшая между собой. Мне с моим опытом в нелегальном бизнесе (а какой бизнес в совке был легальным?) всё это было совершенно не интересно. Пижону, к которому я подсел за столик, это было интересно ещё меньше. И не только по причине того, что он уже наслушался в огромном количестве разговоров действительно богатых людей, и не только потому, что его вообще мало интересовали чужие дела. Перебросившись парой фраз про дела на Съезде народных депутатов (Пижон искренне поддерживал академика Сахарова и Ельцина с Собчаком) и выслушав его реплику о поганости этого, якобы чешского, барного пива («Ты знаешь, старик, настоящее чешское барное было в восемьдесят четвертом в Сухуми, когда я приехал туда первый раз на гастроль!»), Пижон вдруг ничтоже сумняшеся заявил мне, что влюбился.

Тут я, признаться, очень удивился. Никогда он так не говорил ни про Елену-Наденьку-Светлану-Юленьку-Ольгу, ни тем более про всяких случайных подруг типа цацы Ксении. И про свою бывшую жену ничего подобного он не говорил. Это было что-то совершенно новое. «Понимаешь, старик, я люблю её, и всё тут! А она, Клавдия эта...» Я попытался успокоить его, ответив из Пушкина, что, мол, «чем меньше женщину мы любим, тем легче...» и т. д. Благо я рассчитывал, что выпускник филфака пединститута, поработавший в молодости даже в школе, лучше поймёт мою мысль именно через солнце русской поэзии. «А ты знаешь, кажется, я начинаю понимать Володю Сиплого...» – ответил мне он.

Тут я поперхнулся котлетой по-киевски. Я, конечно, понимал, что ввиду своей профессиональной деятельности Пижону приходится общаться порой с не самыми хорошими людьми, но чтоб с Сиплым... Последний справедливо считался самым отъявленным головорезом в нашем городке. Официальное число трупов – один, за который он, собственно, и отсидел – примерно так же соответствовало истине, как тренер по шахматам статусу Пижона. Кроме всего прочего, про Сиплого было известно, что он был отъявленным женоненавистником. «Голубизна» тут, понятное дело, ни при чём – просто жена развелась с ним на первом году срока, а заочница, с которой он познакомился по переписке из лагеря, прервала с ним общение, узнав, что он заболел туберкулёзом. С той поры женщин он ненавидел. *Девочки* боялись его как огня, ибо любое неосторожное слово, равно как и неправильная, по мнению Сиплого, интонация, приводили к побоям. Сутенёры, ясное дело, с Сиплым предпочитали не связываться. Впрочем, денег после общения Сиплый оставлял немало.

«Он ведь, в сущности, милый малый, этот Сиплый...» Тут я не нашёл ничего не то что сказать, но даже покивать головой: оно, конечно, розовые очки розовыми очками, но не до такой же степени! «А ещё знаешь, старик, он так же, как и я, любит стихи Маяковского! Мы с ним на днях в одном кабаке много говорили про это». Тут я уже перестал удивляться чему-либо вообще. Если бы мне сказали, что Володя Сиплый бросил школу во втором классе и забыл некоторые из букв, поскольку их знание никак не помогало ему в криминальной деятельности, я бы совсем не удивился. Про стихи – я бы поверил, что Сиплый может любить что-нибудь с

надрывом из Есенина (кто-нибудь из интеллигентов в лагере или на пересылке декламировал, и Сиплomu понравилось), но революционная поэзия... Это было просто за гранью...

Потом несколько лет я не видел Пижона – сначала я перебрался в Москву, потом закрутились дела в Сибири. В городок наш я приехал только в июне девяносто шестого. Мне и моему молодому деловому партнёру (собственно, он и поведал эту историю миру) требовалась консультация по вопросу бизнеса. Нам порекомендовали именно Пижона (теперь его, естественно, так никто не называл, а именовали исключительно по ФИО).

Он принял нас в своём трёхэтажном особняке на окраине городка. Злые языки утверждали, что на те деньги, которые он заплатил за его строительство и обустройство, можно было возвести почти что рыцарский замок. Впрочем, на его репутацию как консультанта это никак не влияло.

После окончания деловой части беседы Пижон предложил нам выпить чаю. У нас была пара часов свободного времени, и мы не отказали ему в этой просьбе. Тут в его кабинет вошла женщина-брюнетка. Роста она была довольно высокого, в строгом чёрном платье, в элегантных босоножках на шпильках. Причёска, естественно, – пучок. «Знакомьтесь, друзья! Это Клавдия, мой ангел во плоти». Затем Пижон представил нас брюнетке, и я даже поцеловал её ручку. Она вкатила небольшой столик, на котором был чайничек, чашки и тарелка с пирожками. Кстати, таких вкусных пирожков я в своей жизни так больше и не ел.

«Клавдия буквально вернула меня к жизни пару лет назад», – глядя на жену с обожанием, сказал Пижон.

Как выяснилось, в девяносто втором он, уже будучи бизнесменом, причём вполне себе успешным, сел. Вот такие бывают превратности судьбы – не один год крутиться в больших картах, скупать валюту, когда это было строго под запретом, и сесть за какую-то, в сущности, ерунду... Часть срока Пижон вообще провёл в больнице, поскольку его очень сильно избил *смотрящий* чеченец.

Да и вообще, пример Пижона показывал, как поменялись нравы. Ходя, в общем-то, по лезвию бритвы (а как иначе можно было охарактеризовать его деятельность в восьмидесятых?!) он лишь раз столкнулся с неприглядной стороной криминала: когда два молодых придурка – студенты техникума – приняли его в декабре восемьдесят восьмого за кооператора («кооперативщика», как многие тогда говорили) и попытались стянуть с него пять тысяч рублей. Кажется, тогда обошлось даже без помощи любителя Маяковского Сиплога. Просто Пижон сообщил Ашотику, а тот обратился к кому-то из местных *донов*. Те, в свою очередь, очень доходчиво объяснили молодой криминальной поросли, кого можно облагать данью в их городке, а кого лучше обходить стороной километра эдак за два, а то и поболее. В начале девяностых же люди, подобные Сиплomu, стали скорее нормой, нежели исключением. Другое дело, что, видимо, они вдобавок ещё и не любили революционную поэзию...

«Я ведь даже и жить не особо после освобождения хотел, а как Клавдию встретил, так к жизни вернулся. Бизнес вновь поднял. Деток, жаль, у нас вот только нет... Но вроде бы в следующем месяце в Израиль едем, в клинику. Там, говорят, чудеса творят», – продолжал Пижон. Клавдия сидела рядом и гладила его по руке. Было видно, что она светилась от счастья. «А с моими детьми мне встречаться не дают...» – тут Пижон отвернулся к окну.

Как выяснилось, переводы, причём на не самые кислые суммы, он исправно отправлял матерям своих детей, однако на их решение не давать ребятам видеться с отцом это никак не влияло. Ни один из переводов назад, кстати, так и не вернулся.

В сентябре того же девяносто шестого мы опять были в городке. Остановились в гостинице, которая ныне звалась «Гранд-отелем», что, впрочем, никак не влияло на качество обслуживания. Как оно было советским, таким и осталось. «Ты знаешь, план чуток меняется, – сказал я своему партнёру, войдя в номер. – Мне только что отзвонились, через полчаса похороны Пижона!» Мы перенесли запланированную встречу и поехали к его коттеджу.

Как выяснилось, хоронили его мы вчетвером: кроме нас был ещё один бизнесмен (который, собственно, и устроил встречу в июне и сообщил о его похоронах) и Клавдия. Она была в том же платье, что и тогда, в июне. Как мне показалось, сквозь него проступали черты небольшого животика. Ни одна из его бывших пассий, ни его многочисленные друзья, которых он любил поить-кормить в ресторанах, ни тем более его дети на похороны так и не явились. Приехали лишь курьеры какой-то похоронной компании и привезли огромный и дорогуший венок. На траурной ленте было написано: «Другу от Володи Сиплого»¹.

¹ Кто-то утверждал, что подобного быть не могло, ибо Сиплый был убит ещё в 1991-м, но тот венок мы видели сами. Как такое могло быть – решать тебе, читатель.

Знакомства по Интернету

Раздался звук, как от эсэмэски. Сидящий за компьютером открыл пришедшее сообщение и прочитал: «Вероятно, ей не понравились ход беседы, содержание вашей анкеты, или тема для разговора её не очень заинтересовала. Попробуйте поискать других пользователей, внимательно изучите их пожелания, описанные в анкетах, или постарайтесь найти другие темы для начала разговора».

«Да они все, мать их за ногу, сговорились, что ли?!» – сидевший третий час за монитором мужчина не стал сдерживать свои эмоции, благо в квартире он находился один. Что поделать – аналогичное сообщение уже было четвёртым подряд.

Надобно сказать, что сидевший за монитором был человеком сорок одного года от роду, ростом сто восемьдесят пять сантиметров и далеко не самой отвратительной внешности. Материальное его положение было также вполне стабильным: во всяком случае, автомобиль и квартира в собственности имелись, а вот ипотека и кредиты в центрах микрофинансирования – нет. Банковские кредиты тоже отсутствовали. Человек этот, коего звали Алексеем, уже третий месяц был в разводе. Брак, впрочем, дал трещину ещё за два года до официального разрыва отношений, причём эта трещина все эти два года только расширялась. Все попытки её уменьшить, включая даже поездку с женой и дочкой, тогда ещё шестилетней, в Хорватию и совместный поход к семейному психологу (тут уже без дочки) закончились полным провалом.

Алексей сделал ещё одно весьма неприятное открытие. Как выяснилось, дамы, дамочки, барышни и прочие представительницы противоположного пола, с большим интересом смотревшие на него, когда он был в браке, вдруг испарились. Нет, и сейчас находились желающие выпить с ним кофе в кофейне или даже ресторане, были те, кто благосклонно принимали розы (подкат по принципу «Вы такая красивая, а можно вам розы подарить?») вроде как сначала срабатывал, но затем сразу же давал сбой). У всех вдруг находились незавершённые отношения, имелась неготовность к новым отношениям, и даже внезапно находились молодые люди. У одной такой Алексей, не выдержав, даже спросил: «А что же он не с тобой тогда в воскресенье вечером, если он твой парень?!»

Знакомый интеллигентный мошенник (именно так он и аттестовал себя Алексею) посоветовал знакомиться в клубах. Правда, потом он добавил, что эти вновь обретенные знакомые почему-то исчезают с утра. «Представляешь, – рассказывал он, – под утро засыпаем вместе у меня, просыпаюсь – а её уже нет». Почему так происходило, этот интеллигентный мошенник понять так и не смог. Алексей решил для себя, что тоже не будет разгадывать этот ребус.

«Не побеждает тот, кто ничего не делает!» – сказал сам себе Алексей и продолжил поиск.

«Кажется, неплохая мордашка», – подумал он, глядя на анкету. И данные вроде бы ничего: Елена, тридцать шесть лет, образование высшее, любит кино, театр, дачу, гулять с друзьями. Ищет серьёзные отношения. Попытка написать ей, однако, закончилась неудачей. Как выяснилось, Елена поставила фильтр на входящие сообщения: возраст тридцать один – тридцать пять лет. «Ага, в сорок один из меня песок сыплется, и член не стоит!» – со злостью сам себе сказал Алексей. Разумеется, была возможность купить VIP-статус и писать всем, кому заблагорассудится, однако Алексей тупо пожалел денег. Он уже один раз купил себе этот самый VIP-статус и написал почти шестидесяти пользовательницам «Мамбы». В итоге – четвертым не понравился ход беседы, пятеро добавили его профайл в «Игнорируемые», шестеро просто не вышли с той поры на сайт, одна оказалась проституткой и сразу пригласила его в какой-то специальный чат, ещё одна сразу написала в ответ, что он старый и прямым текстом послала его на х..., а основная масса просто не ответила. Написали в ответ лишь пятеро, причём с четырьмя из них переписка застопорилась на попытках либо узнать, кем они работают, либо выяснить, в каком районе города они живут. Лишь с одной переписка продолжалась, но, как

Алексей понял, перспектив тут не было никаких. От попыток обменяться номерами телефонов или договориться о встрече дамочка упорно увиливала, но забрасывала его письмами о погоде, работе (она была бухгалтершей), новинках кино и даже рассказами о своей однокласснице, которая в третий раз вышла замуж.

«Попробую-ка я следующую», – подумал Алексей, глядя на симпатичную барышню лет двадцати шести. При открытии анкеты, правда, выяснилось, что она добавила его в «Игнорируемые». «То-то мне её лицо знакомым показалось», – прошептал Алексей, добавляя её в список своих игнорируемых.

За игнорируемой шла Миледи, тридцати восьми лет от роду. Судя по аватарке, Миледи занималась бодибилдингом. У Алексея был опыт общения с парой культуристок, так и не перешедший в итоге в «горизонтальную плоскость». На их примере он понял, что ничто иное, кроме пропорций собственного тела, любителей культуризма не интересует. Алексей не понял только, как они заводят детей. Наученный прошлым опытом, он решил и сейчас не искать ответ на этот вопрос.

Следующий профайл Алексей также не стал открывать: Танюша, тридцать девять лет. Сколько в ней килограммов, Алексею было неинтересно, но, если на самом деле их было около ста, он бы не удивился. После Танюши шла Анна, тридцать два года. Как ни странно, у неё не было даже фильтра на входящие сообщения.

«Здравствуйте, Анна! Вы прекрасно выглядите! Как поживаете?» – написал стандартные для себя первые фразы Алексей. Выглядела она, правда, весьма средне, но Алексей предпочитал всё-таки начинать с комплимента.

После Анны шла Ксения, двадцать девять лет. У неё в профайле было около пятидесяти фотографий (половину можно было смело удалять, ибо они по сути дублировались), куча интересов и якобы знания языков... и надпись, гласившая, что Ксения не отвечает на подмигивания, а на «Привет! Как дела?» сразу отправляет в «бан». Кроме того, декларировалось, что Ксения любит, когда мужчины красиво ухаживают. В разделе «Дети», что естественно, стояло «нет». «И не будет!» – не без злорадства подумал Алексей и открыл следующую анкету. Марина, тридцать четыре года. «Вроде бы симпатичная», – решил Алексей, но сразу же передумал писать, прочитав: «Я и три мои очаровательные дочки будем рады мужчине, который сможет стать им папой». «Они вообще думают, когда плодятся, или нет?!» – опять со злостью почти что на весь мир подумал Алексей.

Тут ему вспомнился один разговор, случившийся, когда он был ещё молодым. Было это чуть больше десяти лет назад, как раз незадолго до знакомства со своей будущей женой. Дело было в Праге после экскурсии по её мистическим местам. Человек, рассказавший ему ту не то что историю, но скорее даже притчу, был лет на пять старше, но куда как опытнее: сказала и служба в Чечне, и условная судимость за какое-то экономическое преступление, и что-то ещё. «Так вот, – говорил он тогда, – это придумал не я, хотя мог бы вполне выдать и за свои мысли. Но не хочу. Рассказал это мне человек, которого буквально каждая собака знала в городе, где я тогда жил, звали его Пижон». «Он и вправду был пижоном?» – почему-то спросил тогда Алексей. «Не знаю... Я лично тогда ничего пижонского в нём не находил – одет он был, понятное дело, не бедно. Но тогда так одеваться стали многие. Я так понимаю, это пошло ещё с советских времён, когда любые импортные джинсы были пределом мечтаний. А у него они, ясное дело, были, и не одни. Так вот, – продолжал свою притчу рассказчик, – мне уже тогда показалось, что Пижон болен, причём серьёзно. Увы, я был прав, и буквально через полгода он умер. Но не суть. Так вот, Пижон вывел мне доказательство отсутствия Бога. Не знаю, вообще или конкретно сейчас. Не удивлюсь, что, будучи человеком весьма начитанным, Пижон не отрицал деизм. Он сказал лишь, что Бога нет, потому что нормальные, красивые, умные женщины часто не могут завести ребёнка, в то время как откровенное быдло плодится и размножается. И это, по его мнению, были не единичные факты, а система».

Тот разговор случайно всплыл в памяти Алексея, но не согласиться ни с тем случайным знакомым, ни с Пижоном – неважно, был тот когда-то в реальности или нет, – он не мог.

Следующая анкета принадлежала Марии, тридцати лет от роду. С фотографии на Алексея смотрела буквально женщина его мечты. Впрочем, мечты тут же рассеялись, ибо сайт сообщил ему, что он превысил лимит контактов, которые может создать за сутки.

«А не позвонить ли мне Юльке?» – подумал Алексей. С ней он когда-то учился в институте. Будучи в браке, несколько раз виделся с ней в магазинах или на улице. Она даже оставила ему номер своего телефона, которым он, однако, тогда никак не воспользовался. Даже купив новый аппарат, не стал туда заносить Юлин номер, посчитав это излишним. «А ведь она вроде бы так и не вышла замуж», – продолжал размышлять Алексей, открывая старый телефон, который не читал сим-карту после очередной поломки, но почему-то открывался и даже позволял читать старые контакты, эсэмэски и смотреть фотографии.

«Позвоню ей утром, перед работой, а то сейчас уже ночь на дворе», – принял решение Алексей, ложась спать.

Париж ничего не гарантирует

– Париж – это класс, тут спору нет, – дама буквально отщипнула ложечкой кусочек тирамису. – Кстати, когда я была там в прошлом году, встретила своего бывшего одноклассника.

– И как он там? – Алексей отхлебнул из чашечки кофе.

– Представляешь, подставной в «напёрстке»! Я сама в шоке была!

– Он бандитом у нас на родине был, что ли? – такой рассказ Алексея и в самом деле немного удивил.

– Артур-то?! Да какое там, вполне приличным всю жизнь считался. Учился, работал. Никогда в криминале вроде бы не был...

– Меняет жизнь людей... – Алексей посмотрел сквозь стеклянную стену кафе. – Пообщалась с ним?

– Да по сути нет. Он «привет» сказал, конечно. Но добавил, что занят очень – клиент вроде как прёт.

– У меня всё не то чтобы банальнее, но поспокойнее, что ли. Один из знакомых парижан – «Паганини трубы» Сергей Накоряков. Мы с ним жили в детстве по соседству. В футбол во дворе гоняли. Хорошо, что я не гулял, когда он позвоночник сломал, – Алексей отпил ещё глоток. – Но он вроде бы в основном на гастролях, а дома там мало бывает. А второй – бывший одноклассник. Учились мы, правда, вместе мало. Я его всё равно для встречи класса нашёл. На три дня раньше, кстати, чем другого одноклассника, который после освобождения в Кужутках живёт. Вот так вот – Париж и Кужутки...

– И что этот второй парижанин? – собеседнице Алексея, кажется, действительно было интересно.

– Вроде как архитектор... На встречу класса, понятное дело, не приехал. Но и за психа не принял. Ну или *парижанин* – принял, но вида не подал... Кстати, а не махнуть ли нам с тобой в Париж?!

– Хм... Это уже интересно!

– А то. У меня отпуск через несколько месяцев, пока то да сё...

Собеседница доела тирамису и достала гаджет.

«А она вполне себе ничего, – подумал Алексей. – Кажется, я не зря на «Мамбу» вернулся. А то со свахой совсем мимо кассы получилось».

А получилось и впрямь не айс. Решив плюнуть на виртуальный поиск реальных отношений, Алексей попробовал по старинке. Свахи, как выяснилось, существовали и на самом деле, причём не только в единственном экземпляре Розы Сябитовой. С одной из них он встретился и приобрёл сразу два контакта. Про первую было сказано, что «она – красотка». При встрече выяснилось, что: а) особой красотой там и не пахло; б) у дамы обнаружилось двое детей от прежнего брака.

Рассудив, что двое – это перебор, Алексей взялся за второй вариант. После созвона, просмотра купленной несколько лет назад базы сотовых телефонов и просмотра соцсетей выяснилось, что: а) даме на десять лет больше, чем заявлялось; б) дама, мягко говоря, не особо красивая; в) дама, кажется, до сих пор в браке.

Учитывая то, что сваха при встрече весьма долго изучала паспорт Алексея, складывалось впечатление, что его активно надувают, причём не только (а скорее всего, даже не столько) потенциальные претендентки на брак, сколько сама сваха. Рассудив не обращаться больше к ней, чтобы узнать, кого ещё она захочет ему впарить, Алексей решил воздержаться от этой линии поисков и вернуться к «Мамбе».

В первый же вечер удалось разжиться сразу двумя номерами телефонов. Впрочем, обладательница первого из них, как выяснилось при встрече, искала отнюдь не отношений, а

занималась сетевым маркетингом. Фотография её, выставленная на сайте, не соответствовала реальному облику от слов «вообще» и «совсем». Вторая же, кажется, была куда как ближе если не к идеалу, то хотя бы не вызвала культурного диссонанса. Во всяком случае, тест про Париж она очень даже проходила. Алексею встречались уже до этого и барышня, утверждавшая, что в Париже грязно (как будто тут у нас чисто!), и дама, повторявшая набор клише из телевизора про *Гейропу*. И та, и другая в его концепцию не вписывались.

– Так что у нас с Францией?! – попытался вернуть свою собеседницу из гаджета Алексей. – Не сходить ли нам завтра на фестиваль французского кино, к примеру?

– Завтра?

– Ну да, а что тянуть?

– Ты знаешь, Алексей, я думаю, что слишком часто видеться не следует. Я лично не люблю особо частые встречи...

«Ни фиги ж себе, и тут, кажется, облом, – подумал Алексей и допил свой кофе. – Увы, но даже Париж, а точнее, любовь к оному ничего не гарантирует!»

Экс-содержанка

– А ведь была настоящая любовь, – дама с точёным профилем и, видимо, ещё более точёной фигуркой (оценить её полностью не представлялось возможным из-за довольно объёмной кофты) произнесла эту фразу с придыханием, глядя мимо своего собеседника.

– Бывает, – со вздохом ответил ей Алексей. Во-первых, больше пока ему сказать было нечего, а во-вторых, он уже привык, причём не только в общении с дамским полом, больше слушать и меньше говорить.

– Это был последний день моей работы в автосалоне. Я дорабатывала после того, как придурок Фоминых заставил меня написать заявление по собственному. Делать уже ничего, понятное дело, не хотелось, а тут вошёл ОН. Я сразу поняла, что это судьба.

– Прямо как в романе, – с очень лёгкой, даже, пожалуй, легчайшей долей иронии ответил Алексей. Говорить своей собеседнице о том, что он, пусть и шапочно, но всё же знает Фоминых (вряд ли в городе было два руководителя отдела продаж в сети автосалонов с такой фамилией), ему, разумеется, не захотелось. Равно как и сообщать о том, что придурком он его, мягко говоря, не считал и не считает.

– Так вот, – продолжала собеседница, – я подошла к нему. Ну, там стандартно: поздоровалась, чем могу вам помочь и тому подобное. Он попросил показать ему новые джипы в салоне. Я показала, естественно.

– И он купил?

– Нет. Но номер моего телефона спросил.

– А потом?

– Что потом?! Я не особо верила, что позвонит, конечно... Но через два дня позвонил. Предложил вечером кофе попить в «Тиффани».

– Козырное место... – ответил, отпив глоток кофе, Алексей. Сам он в «Тиффани» был всего два раза и сказать, что воспоминания о походах в это заведение были очень уж радужные, не мог. Рассказывать о том, что, когда «Тиффани» ещё в начале девяностых звалось «Гарденией» и рядом с ним его одноклассника задержал РУБОП (они тогда гордились им всем классом!), он не стал. Ну, или как минимум отложил этот рассказ на потом.

– Посидели тогда мы неплохо, – продолжала собеседница. – А потом прямо как в сказке: через три дня поехали на выходные в Москву. Там он мне серьги с брюликами подарил перед отъездом обратно... А ещё через две недели я переехала к нему в коттедж в Подновье. Через месяц знакомства он мне сделал предложение. Я буквально на крыльях летала...

– Редко кому так везёт, – тут Алексей душой уже не кривил.

– Свадьбу в «Робинзоне» праздновали. Куча народа была, даже вице-мэр...

– Это который? – Алексею стало уже действительно интересно.

– Ну, толстый такой... Он депутат вроде сейчас. Единственное, что не понравилось, так это то, что мать его и друг его на меня странно всё время смотрели. Друг так прямо глазами буравил всё время.

– Так пожаловалась бы на него...

– Пожалуйтесь, как же, – собеседница поглядела на Алексея, словно на несмышлёного ребёнка, – он смотрящий за районом. Они когда-то вместе на зоне сидели.

– А твой бывший бандит, что ли?

– Нет, бизнесмен. Он за экономику когда-то сидел, но недолго. Связей, правда, как сам говорил, там заполучил немало.

– А дальше как было?

– А дальше сначала по-прежнему, как в сказке. Шопинг – нет проблем. В Москву на день по бутикам пройтись слетать – пожалуйста, дорогая, лети. Машину хочешь – не вопрос,

вечером мне «Мини Купер» пригнали. В Доминикану хочу – нет проблем, через месяц, как дела разгребу, слетаем.

– И как там, в Доминикане, классно? – Алексей любил путешествия, хотя побывать ему удалось всего лишь в нескольких странах Европы. Рассказы о путешествиях других людей не только были познавательны, но и, как показала практика, многое говорили о человеке.

– Как в раю. Я даже предложила ему: «Милый, давай тут жить останемся».

– А он что?

– Лет через десять, не раньше. Дела, сказал, доделать надо. А как, говорит, всё намеченное переделаю, так и переехать можно будет.

– А ещё куда летали?

– В Таиланд на Новый год. Там, прикинь, в соседний отель Фоминых отдохнуть приехал, – с неподдельной ненавистью произнесла собеседница, – думала, что он, гад, мне весь праздник испортит, но обошлось... Потом в Милан на шопинг слетали, в Париж на Первое мая. Скучно там...

– Вроде ничего городок, – с налётом зависти ответил Алексей, допивая кофе.

– Не-е-е, говно... Вот в Сочи потом классно оторвались... А затем понеслось. Во-первых, ему ребёнку захотелось.

– Ну, это желание хорошее вроде. Как отец говорю, – ответил Алексей, жестом призывая официантку.

– На фига он мне сейчас?! – спросила собеседница, снова поглядев на Алексея как на несмышлёного. – Я пожить для себя хочу. И ему об этом сказала. Он проорался сперва, потом успокоился вроде. Кольцо с бриллиантом на следующий день купил в «Византии».

– А во-вторых что было?

– А во-вторых, мать приезжать стала. Сын его от первого брака меня особо не беспокоил. Они где-то в городе встречались периодически, в коттедж он к нам только раз или два приехал. А эта после Парижа всё стала заезжать, а после Сочи – ещё чаще. Тут раз она приехала, а он задерживался где-то. Ну я ей и не открыла. На фига она мне?! Я её не звала, к нему приехала – пусть его и ждёт... А он потом скандал затеял дикий. Никогда его таким бешеным не видела... Орал на меня матом так, что соседи слышали. Типа, мать мне и Пижону какому-то в зону, на юг, каждый месяц передачи возила, он ей по гроб жизни обязан и всё такое прочее...

– Пижону, – словно вспоминая что-то и, глядя как бы в никуда, произнёс Алексей, держа в руках только что принесённую чашечку кофе.

– Ага, Пижону, блин... Вот я и сказала ему: «Живи со своей гримзой старой и с Пижоном этим!» А сама вещи взяла и уехала. Думала, всё равно через день-два позвонит.

– А он что?

– Так, козёл, и не позвонил. Урод... Я месяц ждала. У матери жить скучно... Даже на работу устроилась в салон шуб. Два через два. Тоска смертная, конечно, но всё ж лучше, чем ничего. А потом подруга надоумила к юристу сходить. Думаю, надо с ним разводиться действительно и срубить с него, козлыны, побольше...

– А юрист что?

– Говорил много, но вроде как попробует придумать что-нибудь. А через пару дней иду я домой с работы вечером. Рядом вдруг джип тормозит. И выходит из него этот друг его, смотрящий. Сам такой в костюмчике от Лагерфельда, рубашечка шёлковая, но всё равно бандит бандитом. И говорит мне: «Я тебя, девочка, сразу раскусил, кто ты такая и чего хочешь. Так вот, запомни: с Юрия (так муженька моего зовут) ты ничего не получишь. И не пытайся даже глупости делать. Я его ещё по зоне знаю и там понял, что человек он дельный. А в городе все в курсе, что я за него самолично на куски порву». Мне после этого вообще жить страшно! Понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво произнёс Алексей.

Понимал он куда как больше этого Юрия, его матери и даже смотрящего, но говорить не стал. Равно как и то, что знакомство это пора было заканчивать. А вот заканчивать знакомства по Интернету или же продолжать там поиски, он ещё для себя окончательно не решил.

Отступление

Тут, допивая очередную чашечку весьма неплохого кофе, Пухлый как-то особенно пристально взглянул на меня.

– Кстати, на самом деле такая фигня в Интернете творится или это всё-таки лажа?

– Не знаю, – я действительно задумался, не зная, что и сказать вновь обрётённому старому знакомому.

Сам я, если честно, считаю, что знакомство по Интернету – это, конечно, не верный шаг к резиновой женщине, а-ля питьё безалкогольного пива, но что-то вполне близкое к этому...

– Но ведь ты висишь в «паутине»? – кажется, этот вопрос действительно заинтересовал Пухлого.

– Ты знаешь, когда-то я даже зарегистрировался на «Одноклассниках». Это сейчас там, как я слышал от знающих людей, висят в основном три группы населения: скучающие домохозяйки, менеджеры очень среднего звена, обожающие вывешивать фотографии с рыбалки, охоты, Турции и на фоне чужих автомобилей, и сидельцы из мест лишения свободы. Селфи там, на фоне барака, и всё такое прочее... А тогда на них висели буквально все. Модно было...

– И какими были успехи?

– Ну, сначала мне принялись писать поклонники творчества. Я даже честно отвечал на их письма. А месяца через три началось...

– И что же, стесняюсь спросить, началось? – спросил Пухлый с улыбкой, поглощая кофе и, кажется, выражая тем самым искреннюю радость от жизни.

– Сначала стали писать городские сумасшедшие. Им не нравилось буквально всё – «тема сисек не раскрыта», «да у вас одна порнография», «а где сюжеты на фоне Акрополя», «почему герой не похож на своего прототипа» и т. п.

– То есть невзлюбил ты критику...

– Да если б критику... Впрочем, дальше пошло круче. Стали пописывать какие-то деятели, просившие «смешную для меня сумму в пятьдесят тысяч рублей». Естественно, на лечение больного ребёнка. Нет, понятно, я детей люблю и вообще человек доверчивый. Но было такое ощущение, что к тебе подходит на улице крендель, который вручает тебе визитку, где написано, что он замгендиректора Вселенной, а из контактов там только банковские реквизиты. И затирает он тебе на полном серьёзе, что после перечисления на них суммы от пятидесяти тысяч и больше мне начнёт капать отпущение грехов.

– Слушай-ка, а ведь это прямо идея для бизнеса! – Пухлый отпил ещё кофе. – Я даже думаю подарить её одному засранцу. Вместо выходного пособия. Мне про него подчинённые не раз рассказывали. Шельма он редкостная, пора от него избавляться. Он, понятное дело, не в курсе, что я знаю. Думал, просто через месяц-другой пинка под зад ему дать (не самолично, разумеется – много ему чести!), а теперь думаю ему твою идею, так сказать, презентовать.

– А потом, помнится, написал мне какой-то бешеный грузин. Написал ни много ни мало, что зарежет меня из-за моего отношения к грузинам вообще и к Саакашвили в частности, как только моя нога ступит на святую грузинскую землю. Не шучу – именно на «святую грузинскую землю».

– И за что ж ты так, позволь полюбопытствовать, грузин-то? – усмехнулся Пухлый.

– Да то-то и оно, что героев-грузин у меня в книгах раз-два и обчёлся. И ни один, заметь, ну никак не похож на Саакашвили! А интервью на тему политики я сроду не давал...

– И на выборы, поди, не ходишь?

– Уже не помню, когда последний раз и был, – тут я реально не кривил душой.

– И за кого голосовал тогда, тоже не помнишь? – опять же с улыбкой спросил Пухлый.

– Отчего же не помнить – очень даже помню. Убедившись, что ни одна из предложенных на выбор рож и харь не отвечает моим эстетическим запросам, я тупо испортил бюллетень.

– А ещё смешные персонажи были?

– Был. Как раз через день после грузина. Написал какой-то деятель из Тмутаракани. Щеголял знанием отборной фени и под конец переписки заявил, что натравит на меня братву.

– А ты, деятель культуры?..

– А я, как ты верно заметил, как деятель культуры попросил его оставить номер телефона, чтобы договориться о встрече. После этого он не просто ушёл в несознанку, но даже удалил профайл.

– Хм, а если б он написал, что тогда? – кажется, этот вопрос, а точнее, ответ на него действительно заинтересовал Пухлого.

– Осталась пара контактов со времён молодости. Вроде как при встрече они обещали помочь, в случае чего... Но, как видишь, обошлось, ибо «храбрость ковбоев Хаггис не знает границ».

– А потом?

– А потом, недельки эдак через две, как сейчас помню, перед поездкой с одной красоточкой в Доминикану я удалил свой профайл напрочь. Там, кажется, было около тридцати неотвеченных писем, но я даже не стал заморачиваться.

– А «Фейсбук» как тебе? У меня многие, кстати, там висят постоянно, – Пухлый повертел уже пустую чашечку и, кажется, пытался что-то увидеть в оставшейся там гуще.

– Знаю только, что там есть что-то вроде моего фан-клуба, но так и не удосужился там зарегистрироваться...

– Понятно, тогда слушай дальше...

Креативное знакомство и его последствия

– Ты охренел, придурок, б...ь! – женщина в шлёпках на босу ногу орала на Алексея, стоя у двери в подъезд и, кажется, загоразивала своим телом вход в него на случай возможного прорыва.

– Сама ты на голову контуженная! – крикнул в ответ Алексей, развернулся и пошёл прочь.

Как только что выяснилось, креативный метод знакомства себя не оправдал. Во-первых, «совсем», во-вторых, «вообще». Ну или наоборот, что, впрочем, никак не меняло сути дела. Метод заключался в следующем: выявлялась понравившаяся анкета на «Мамбе», а затем с помощью соцсетей вычислялись фамилия и имя дамы (последнее иногда могло не совпасть с тем, что указывалось на сайте знакомств). Потом в дело включалась пусть и старая, но всё же довольно подробная база адресного стола, купленная по случаю лет девять назад на радиорынке. Кроме того, с помощью баз городских и мобильных телефонов (тоже, увы, старых) можно было выяснить контакты претендентки на знакомство. Принадлежит мобильный даме сейчас или нет, выяснялось через «Сбербанк Онлайн».

Только что покинутая Алексеем дама была выявлена именно таким способом. Надежда Самсонова, тридцати семи лет от роду, проживавшая в одном из спальных районов города. Детей у неё вроде как не имелось, впрочем, высшее образование тоже, кажется, отсутствовало. Зато наличествовала вполне притягательная внешность. Несколько фотографий в бикини, представленные в «ВК», полностью этот тезис подтверждали.

Мало того, выяснилось, что полгода назад Алексей уже знакомился с её родной сестрой, которая была старше на два года. Впрочем, то знакомство почти сразу же сошло на нет – то ли из-за занятости сестры, то ли по причине её полнейшей неорганизованности.

Впрочем, роли это уже сейчас не играло никакой, ибо, как выяснилось, Надежда напрочь не хотела знакомиться и даже, кажется, заподозрила в Алексее маньяка. Странные персонажи и впрямь водились на просторах «Мамбы», причём не только женского пола. Одна родственница, например, рассказывала, что как-то уже договорилась с одним таким товарищем о встрече, но буквально за два часа до неё он прислал ей СМС с просьбой прислать фотографию топлес. Родственница, понятное дело, отказалась. Так что на фоне таких деятелей Алексей себя маньяком справедливо не считал. Надежда же, как он решил, либо хотела знакомиться, но не встречаться ни с кем вообще, либо же просто являлась конченной дурой. Последний вариант, возможно, был ближе к истине.

Жаль было лишь купленные розы: олигархом, несмотря на неплохой заработок, Алексей всё-таки не являлся. Оставалось лишь придумать, кому вручить букет, и как это лучше и дипломатичнее сделать.

– Алексей, ты знаешь, я сейчас работаю, а потом у меня йога, – ответила ему по телефону давняя подруга Евгения. С ней он был знаком фигову тучу лет, кажется, даже больше, чем теперь уже с бывшей женой. Замуж Евгения так и не вышла, несмотря на вполне привлекательную внешность. Отношения у Алексея с ней были дружескими. Во всяком случае, в горизонтальную плоскость за все эти годы они перешли лишь два раза – первый был изменой тогда ещё не жене, но женщине, с которой он начал встречаться (брак был заключён месяцев через семь после той встречи с Евгенией), второй – через пару дней после оформления развода. Попытки сделать отношения постоянными Евгенией пресекались. Впрочем, цветы и иные подарки она принимала благосклонно.

«Вариант пролетает», – подумал Алексей и продолжил обзвон. Катя из бухгалтерии оказалась за городом, Марина – у подружки на дне рождения, Юлия, учительница английского, уехала на выходные в Москву, а Зина из какого-то НИИ собиралась к маме в область.

«Придётся подарить какой-то встреченной на улице красотке», – решил для себя Алексей. Такие эпизоды уже были у него в последние месяцы. Правда, ни к каким отношениям, даже мимолётным, они не приводили. Дамы в лучшем случае оставляли свой номер телефона. Наиболее благосклонно, как опять же показывала практика, букеты от незнакомца принимали официантки в кафе. К одному из замеченных на пути от остановки к Надиному дому заведению и пошёл Алексей.

Не хотелось больше играть

Эта история была рассказана не самим её участником, а человеком, которому тот доверял. Я ему тоже доверял, так что, видимо, это была правда. И Пижон, и рассказавший мне ту историю человек уже умерли, так что претензий за её обнародование ко мне никто не предъявит.

– Я вижу, что вы таки хороший человек, – стоящий рядом со мной благообразный еврей лет семидесяти проникновенно посмотрел мне в глаза.

– Не буду спорить, но сочту за комплимент, – ответил я. Спорить почему-то и в самом деле не хотелось. Скорее всего, это было связано не со вчерашним выигрышем некислей суммы у местных толстосумов и даже не с ожиданием ещё более шикарного выигрыша завтра у эстонского завмага, латышского контрабандиста и какого-то заехавшего в Прибалтику грузина. Дело было скорее в умиротворении, которое шло от моего нынешнего собеседника. Я уже встречал подобных людей, причём порою в самых неожиданных местах и при ещё более неожиданных обстоятельствах.

– А ведь тут я её последний раз и видел! – неожиданно резко вдруг произнёс мой собеседник.

– Кого? – я спросил скорее удивлённо, нежели резко.

– Ну не совсем тут, конечно... – несколько поумерив свой пыл, сказал благообразный еврей, представившийся мне в ресторане Марком Абрамовичем. – Этот мост был построен уже после войны, а до неё он был другим. Но место, место, молодой человек, то же самое! – произнеся это, он опять заметно оживился.

– И всё-таки, Марк Абрамович, вы так и не сказали, кого именно здесь видели, – решил вернуть я его к ускользающей нити разговора. Не то чтобы мне стало интересно, хотя, как я уже успел убедиться в ресторане и после, рассказчиком Марк Абрамович был замечательным.

– Мою любовь, – тут он почти что заплакал, хоть и удержался на этой грани «почти». – Её звали Циля Флакман. Она была из богатой еврейской семьи и жила на Жемайтской. В отличие от других евреек у неё были пепельные волосы. Иногда она закалывала их в пучок и становилась просто прекрасной.

– Мне тоже нравятся женщины с пучком, – тут я нисколько не покривил душой, благо все матери моих детей частенько – в том числе и по моей просьбе – ходили именно с этой причёской.

– Вы меня понимаете, молодой человек, – неожиданно тонким фальцетом произнёс Марк Абрамович и даже начал крутить пальцами пуговицу на моей куртке. – Так вот, именно тут, вечером двадцать первого мая сорок первого, она и подарила мне своё колечко...

– А что было потом? – не то чтобы мне стало интереснее, просто надо было хоть что-то сказать в ответ.

– Не *потом*, а *до того*, молодой человек, – поправил меня мой собеседник, – до того. А было вот что: я был не красавцем, а скорее вполне себе среднестатистическим еврейским молодым человеком из Вильно. Мой отец был ювелиром, хотя и не особенно богатым. Это, собственно, и спасло его при приходе Советов – он как-то ухитрился через своего брата-коммуниста записаться пролетарием, потому нас и не тронули. Я даже без проблем вступил в сороковом году в комсомол. Другое дело Циля: она была из весьма богатой, даже по вильнюсским меркам тридцатых годов, семьи. Ничего ортодоксального в ней не было – она даже любила спорт и ходила в «Маккаби». Как её отец ухитрился договориться с большевиками – не знаю. Думаю, что деньги и тогда творили чудеса... Так вот: шансов у меня не было никаких, но весной сорок первого мы полюбили друг друга. А утром двадцать второго мая меня должны были забрать в Красную армию.

– Забрали? – несколько прервал я эмоциональный рассказ своего собеседника.

– Разумеется, забрали. Тут чудес не было никаких. Но тогда, перед расставанием, она подарила мне своё колечко и сказала, что будет меня ждать после армии здесь же, на этом самом месте. Мне надо было только заранее написать ей письмо и указать день моего возвращения в Вильно. Увы... – Тут мой собеседник с большим трудом сдержал слёзы. – Увы, но я попал в часть под Смоленск, потом началась война. Сюда я вернулся из Душанбе только в шестьдесят седьмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.